

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2023.90.55.023

Динамика социокультурного познания

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии коммуникативных систем
социологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: ekakorkiya@mail.ru

Мамедов Агамали Куламович

Доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: akmnauka@yandex.ru

Аннотация

В представленной статье подчеркивается, что противоречивость научного поля познания не является доминантным доводом в пользу истинности. Иначе говоря, диалектическая логика не может применяться тотально, то есть механически. Она так же, как и традиционная (формальная) логика, не может служить инструментом научного познания. Но она может предотвращать ложные направления развития в различных науках, значительно экономя при этом усилия ученых, растрачиваемые обычно на бесплодные споры и нереализуемые в принципе научные программы. Авторы указывают на то, что, сохраняя значение традиционной логики и теории истины, гегелевская логика и теория истины ограничивают область ее применения и позволяют тем самым теории социокультурного познания продвинуться вперед. А это продвижение, в свою очередь, должно благотворно сказаться и на развитии всех частных наук - как естественных, так и социальных.

Для цитирования в научных исследованиях

Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Динамика социокультурного познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 9А. С. 152-164. DOI: 10.34670/AR.2023.90.55.023

Ключевые слова

Социокультурное познание, исследования, эмпирическая информация, модификация, научное знание, социальная мысль, теории общества, истина, современная наука, будущее.

Введение

Не вызывает сомнений, что особенности теоретического и эмпирического методов исследования, применяемых в социокультурном познании, обусловлены природой объектов и оптикой социологических исследований. В частности, использование в социальных науках такого метода сбора эмпирической информации, как опрос, неприемлемо в некоторых науках. В то время как в области теоретических методов в социокультурном познании широко используется телеологическое объяснение социальных явлений (объяснение из целей, преследуемых теми или иными объектами познания, т.е. социальными субъектами), в физических науках оно запрещено, допустимым считается каузальное объяснение (объяснение из причин), а в биологических науках телеологическое допускается наряду с каузальным объяснением, но только — в своей бессознательной модификации (живые организмы устроены целесообразно, но не в результате чьего-либо предварительного замысла). Надо заметить, что в социальных науках допускаются и признаются все три метода объяснения социальных явлений — каузальное и телеологическое в обеих его модификациях. В то же время и естественно-научное, и социально-гуманитарное познания исходят из общих принципов производства знания — следовательно, одинаково относятся к области научного познания, отличаясь этим от религиозного, художественного, морального и иного. Наука стремится к получению знания истинного, а не только к полезной осведомленности о своих объектах. Несмотря на то, что наука так же, как и все остальные формы сознания, способна впадать в заблуждения и ошибки, она постоянно стремится к избавлению от них на пути познания именно истины, а не ее противоположности. Исследованию возможности и необходимых условий достижения истинного знания посвящены усилия/ труды эпистемологов и методологов научного знания.

Основное содержание

Социальная теория К. Маркса являлась одной из главных, а возможно, и самой влиятельной концепцией. Сегодня с подобной оценкой согласны немногие ученые, что объясняется, конечно, не только развитием социума и накопленным современным историческим опытом, но также и рациональной критикой теории Маркса со стороны многих ученых, в числе которых одним из первых, несомненно, был К. Поппер.

Приведем для примера высказывание историка Дж. Тоша, несогласного с попытками выбросить теорию Маркса «на свалку истории»: «Эта теория не имеет равных по широте охвата и уровню научной проработки. Пока историки признают необходимость теории, они будут обращаться к марксистской традиции. Обоснованность этого прогноза станет совершенно бесспорной, если мы учтем сравнительную теоретическую бедность других направлений истории» [Семенов, 2003, С. 127]. Но в середине прошлого века, когда критический анализ К. Поппера еще только набирал силу, научный авторитет теории Маркса был неоспорим. Даже крайние противники учения Маркса отдавали должное достоинствам теории: «Марксизм, — писал З. Бжезинский, — представляет собой новый, исключительно важный этап в становлении человеческого мировоззрения. Марксизм означает победу активно относящегося к внешнему миру человека над пассивным, созерцательным человеком и в то же время победу разума над верой... Марксизм ставит на первое место систематическое и строго научное изучение действительности, так же как и руководство действием, вытекающим из этого изучения» [Brzezinski, 1971, P. 73]. Тем более смелыми представляются научные усилия Поппера, который

с разной долей успешности отвергал социальную теорию Маркса, критикуя ее со всех основных направлений ее анализа — логического, методологического, субстантивного.

Хотя «историцизм» Поппер приписывал не только марксизму, но и иным концепциям социальной мысли, представляя детальную критику именно на примере марксизма, что хорошо объясняется обстоятельствами того времени. К тому же для Поппера это было и делом принципиальным, ибо он стремился именно к открытой критике своего оппонента и не хотел, чтобы его заподозрили в «скрытой критике» [Поппер, 2004, С. 557]. Итак, в чем же, по мнению Поппера, заключена фатальная ошибка «историцизма»? «Центральные идеи историцистского метода и, в том числе, марксизма, — пишет Поппер, — таковы:

- 1) Несомненно, что мы можем предсказывать солнечные затмения с высокой степенью точности и далеко в будущее. Если бы социальный ученый в 1780 году знал об обществе половину того, что знали об астрономии древние вавилонские астрологи, то он смог бы предсказать Французскую революцию.

Фундаментальная идея, что революции можно предсказывать точно так же, как солнечные затмения, — продолжает Поппер, — порождает следующее понимание задачи социальных наук.

- 2) Цель социальных наук в принципе ничем не отличается от цели естественных наук — делать предсказания, точнее, исторические предсказания о социальном и политическом развитии человечества.
- 3) Как только эти предсказания сделаны, можно определить задачи политики. Она должна смягчать «родовые муки» (как говорил Маркс), неизбежно сопровождающие предсказанные и неотвратимые политические изменения.

Эти простые идеи, в частности, мысль о том, что целью социальных наук являются исторические предсказания, например, предсказания социальных революций, — заключает Поппер, — я буду называть историцистской доктриной социальных наук. Мысль о том, что политика должна облегчать родовые муки неизбежных политических изменений, я буду называть историцистской доктриной политики» [Поппер, 2004, С. 559-560].

В обосновании критики «историцизма» К. Поппер указывает, что общество не является замкнутой или механически структурированной системой, функционирующей, как часы, и позволяющей делать точные предсказания. Нет смысла детально рассматривать всю его достаточно сложную аргументацию, поскольку его ошибка, на наш взгляд, очевидна: он критикует не саму теорию Маркса, а некоторый устойчивый, приписанный ей образ, созданный, кстати не без участия самого Поппера или им заимствованный.

Но проблема «историцизма», поднятая Поппером, этим, конечно, не исчерпывается: теория Маркса, как и всякая, содержала некоторые исторические предсказания, научность которых нуждается в рациональной критической оценке. В частности, она содержала предсказание о неизбежности социальной революции в Европе. Не определив ее конкретных сроков, марксисты утверждали ее неизбежность, принимая знаковые события того времени («революции» 1848 и 1870 гг.) за ее начало. Однако их субъективные «предсказания» не следует путать с тем научным предсказанием, которое логически следовало из их теории. В последнем не могло быть точного указания не только на сроки данного события, но даже и на детальные признаки его наступления. Поэтому, не зная, когда именно «созреют» сии «социальные затмения», они/основатели нисколько не сомневались, что рано или поздно бурные события произойдут, ибо это следовало из их теории, основанной на простой эмпирической закономерности, уже вполне выясненной к тому времени европейскими историками. Как известно, во времена господства Римской империи Общество жило и действовало по правилам «рабовладельческого»

общества, в ходе бурных и кровавых исторических пертурбаций оно перешло к жизни уже по другим правилам (правилам «феодального» общества), а потом, также в ходе революций XVII-XIX веков, перешло к жизни по совершенно иным изменившимся правилам «буржуазного» общества. Если даже эмпирически экстраполировать данную последовательность перемен в будущее, то возникает иллюзорная уверенность в том, что череда изменений в Европе на этом не остановится и в будущем ее ожидают новые потрясения и переход к новым порядкам. В самом деле, почему бы то, что наблюдалось на протяжении всей предшествующей истории Европы, должно прекратиться в будущем? Это же не конец истории? И Ф. Фукуямы вроде бы еще не было бы, и история никогда бы не кончалась. Между прочим, именно на такой же, исключительно эмпирической, экстраполяции основана и знаменитая теория длинных волн Н. Кондратьева, слывущей и ныне вполне респектабельным научным достижением.

Но Маркс с Энгельсом основывались, конечно, не только и даже не столько на этой простой эмпирической экстраполяции. Их теория состояла именно в нахождении причинного с явными вкраплениями телеологизма интерпретации социальной динамики. Историки открыли саму периодичность социальных переворотов, а основоположники марксизма предложили рациональное объяснение этому. Они и не без оснований были уверены, что открыли причину и механизм («законы») исторических процессов — неуклонный прогресс производительных сил. В целях придания устойчивости своему развитию, общество стремится к эффективному развитию производительных сил и не может не стремиться к этому, ибо в противном случае оно либо полностью исчезнет (в случае деградации), либо будет подчинено более развитыми обществами, которые вовлекут его в свое прогрессивное развитие.

Это — первый постулат марксистской теории, но при сем понятие производительных сил общества здесь оставляется лишь интуитивно ясным, а его дискурсивное уточнение самими основателями марксизма не приводится. «Самое замечательное в этой доктрине, — писал Л. Мизес, — в ней не дано определение основного понятия — материальных производительных сил. Маркс нигде не говорит нам, что он имеет в виду, когда ссылается на материальные производительные силы... Самый откровенный из этих случайных примеров можно найти в его книге «Нищета философии», изданной в 1847 г. на французском языке. Читаем: Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [Мизес, 2001, С. 83]. Замечание Мизеса в целом правомерно, но оно при этом неполно. В любой научной концепции зачастую исходные понятия и постулаты принимаются как интуитивно очевидные и интуитивно ясные, без доказательств и строгих определений. Именно так обстоят дела не только в «Началах» Евклида или в «Началах» Ньютона, но и в теории Дарвина, в которой тоже не объясняется подробно, что такое «изменчивость» и «естественный отбор» — все это просто актуализируется как интуитивно ясное. Требование же предварительного четкого дискурсивного определения исходных понятий равносильно, как установил Аристотель, запрету на теоретическое мышление вообще. Никакая теория никогда не будет построена, если формально требовать корректного определения ее исходных понятий и доказательства ее аксиом (постулатов): они должны быть приняты как интуитивно ясные.

Второй же постулат марксизма гласит, что социальные порядки/правила, по которым живет общество, небезразличны к росту его производительных сил: могут либо тормозить его, либо ускорять, будучи при этом склонными к консервативности, неподатливости к изменениям. Следовательно, в любом обществе прогрессирующее развитие производительных сил неизбежно сталкивается с этими сдерживающими его рамками, мешающими прогрессу. Но

почему же общественные порядки не могут изменяться в соответствии с прогрессирующим развитием производительных сил? На этот вопрос отвечает третий постулат марксистской теории, гласящий, что в обществе всегда есть господствующие классы, которым выгодны старые, а не новые порядки, поскольку их властный статус основан именно на этих старых порядках.

Но поскольку прогресс производительных сил неизбежно порождает новые социальные классы, которых этот порядок не устраивает, то между господствующими классами, выступающими за консервацию порядков, и новыми классами, выступающими за их отмену и замену новыми, назревает социальный конфликт, который всегда разрешается в ходе социальной революции, всегда насильственной и (с позиций старых порядков) незаконной, нелегальной.

Таков вполне понятный и обоснованный механизм возникновения революций, которая предсказывает только саму неизбежность/необходимость/закономерность революций, не прогнозируя их с математической точностью. В силу этого, критиковать ее, по несбывшимся прогнозам, на тот или иной кем-то назначенный срок — некорректно. Ее можно критиковать (что на самом деле постоянно делалось и делается) только за предлагаемый механизм общественного развития, а также за нечеткость и расплывчатость исходных основ самой теории, основанной не столько на строгих и четко определенных понятиях, сколько на интуитивных и даже метафорических допущениях («производительные силы», «производственные отношения», «социальные классы», «базис», «надстройка», «общественное бытие», «общественное сознание»). «Наиболее примечательным моментом в этой теории, — отмечает все тот же Мизес, — было то, что она никогда не была ясно изложена. В «Коммунистическом манифесте» для иллюстрации классово-борьбы взяты конфликты между кастами. Затем Маркс добавляет, что в современном буржуазном обществе возникли новые классы. Но он так нигде и не сказал, что такое класс и что он имел в виду, говоря о классах с антагонистическими противоречиями между ними и соотнося классы с кастами. ... Ни Маркс, ни один из его многочисленных последователей не смогли сказать нам, что же представляет собой общественный класс и, тем более, действительно ли общественные классы играют в социальной структуре ту роль, которую приписывает им теория» [Мизес, 1993, С. 80]. Странно, что такой серьезный исследователь прошел мимо определения классов В.И.Ленина. «Понятия базиса и надстройки, — вторит ему Р. Арон, в целом, вполне благосклонно относившейся к этой теории, — ... неясны и допускают бесконечные спекуляции» [Арон, 1992, С. 177].

Но то же самое можно утверждать и про все остальные исходные понятия, на которых основана эта теория. Однако следует повторить, что характер теории Маркса не представляет собой чего-то исключительного в области научного познания. Тем не менее в основу теории Маркса положены все же не какие-то неопределенные и ни на чем не основанные понятия, а понятия интуитивно ясные и не противоречащие ни в чем ни повседневному опыту, ни известным на тот момент и научно установленным фактам.

Вместе с тем: «всякая теория, — заключает Арон, — стремящаяся стать идеологией политического движения, должна поддаваться упрощению, для простаков, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет» [Арон, 1992, С. 177].

Будущая революция, были убеждены Маркс с Энгельсом, введет совершенно новые порядки, основанные на принципе общественной собственности на средства производства.

Откуда же они могли знать, что будущая революция будет именно социалистической?

Исходя из принципов самой теории, описанных выше, это ни в коем случае не следует. Из них следует лишь посыл, что на каком-то этапе развития производительных сил «буржуазного» общества должны появиться какие-то новые социальные силы, которым старые порядки представляются тормозом к дальнейшему прогрессивному развитию. Эти силы должны были расти и крепнуть, а затем, на каком-то этапе вступив в конфликт с господствующими классами буржуазного общества, держащимися за старые порядки, произвести насильственное изменение в общественных порядках в интересах всего общества (его дальнейшего материального прогресса). При этом странно уже то, что Маркс увидел в этом качестве именно пролетариат, поскольку все предыдущие революции (рабовладельческая, феодальная и буржуазная) хотя и происходили с непременным участием общественных низов, но не по их инициативе — будущие рабовладельцы, феодалы и капиталисты относились к верхам общества, а не к его низам. И эмпирически, и теоретически выбор пролетариата в качестве революционной силы у Маркса не был обоснованным.

Новый переворот, согласно Марксу, должен был отрицать не просто буржуазный социальный порядок, но и систему того же самого рода, основанные на принципе частной собственности. На смену этому принципу должен будет прийти принцип общественной собственности как его полная противоположность. Иными словами, капитализм («буржуазное общество»), рассматриваемый Марксом как самое совершенное — крайнее — развитие принципа частной собственности, должен был перейти в свою противоположность.

Но неизбежность такого перехода не могла следовать из самой теории Маркса — она могла следовать, как это совершенно верно замечает К.Поппер [Поппер, 2004, С. 548-549], только из диалектической логики Гегеля, которую Маркс, как мы знаем, признавал в качестве методологической основы. Соответственно, и другая важнейшая часть критики марксизма сосредоточена на попытке дискредитации диалектической логики как методологии научного познания вообще и социального познания в частности.

Критикуя марксизм с этой стороны, Поппер утверждает, что он представляет собой научный конструкт, базировавшийся на гегелевской диалектике, суть которой состоит в том, что ею отвергается основной закон логики — закон противоречия. Отрицание этого закона, доказывает Поппер, позволяет диалектике «ускользнуть» от всякой критики: ее практически нельзя опровергнуть, поскольку из противоречивых высказываний можно вывести что угодно, и все это будет считаться научным и обоснованным. Но основной критерий научности в том-то и состоит, согласно методологии самого Поппера, что теория должна поддаваться опровержению, — иначе она ненаучна. То, что принципиально нельзя опровергнуть, ненаучно, и поэтому не заслуживает никакого доверия. Нужно заметить прежде всего, что в критике Поппера внимание сосредоточено не на том, что говорили сами Маркс с Энгельсом, а на том, что значительно позже стали говорить их адепты — «ортодоксы», впавшие, как мы знаем, на определенном этапе развития учения в жесткий догматизм.

Как известно, Маркс никогда явно не формулировал принципы своего «диалектического» метода, которым он якобы пользовался в своих исследованиях, но иногда он делал это косвенно, позволяя другим говорить за себя. Так, в частности, в Послесловии ко второму изданию «Капитала» он цитирует русского экономиста И.И. Кауфмана: «Иному читателю может при этом прийти на мысль и такой вопрос ... ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или прошлой жизни? Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует ... По его мнению, напротив, каждый крупный исторический период имеет свои законы ... Но как только жизнь пережила данный

период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами» [Маркс, 1969, С. 20-21]. Приведя эти рассуждения Кауфмана, Маркс замечает: «Автор, описав так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым описал не что иное, как диалектический метод» [Маркс, 1969, С. 21]. В приведенной выше цитате нет ничего, что имело бы отношение не только к диалектическому методу, но и к научному методу вообще. Не может быть никаких частных законов, которые не имели бы под собой некоторых общих законов. Частного без общего вообще не существует. Все это, повторяем, полный вздор (объясняющийся, может быть, только тем, что оба фигуранта данного обсуждения — Кауфман и Маркс — смешивают неизменные объективные экономические законы с социальными порядками, которые в истории действительно постоянно меняются, — иначе говоря, смешивают объективные законы природы с субъективными юридическими законами, с законодательством).

При этом верно, что предыдущие мыслители переносили на первобытное общество те социальные порядки, которые они наблюдали в современном им обществе. Они ошибочно принимали частное и особенное за всеобщее, но само их стремление найти такое общее было совершенно правильным, и грубейшей ошибкой является как раз отказ от поисков такого всеобщего. В своей критике гегелевской логики он сосредоточил все внимание на том, что эта логика отвергает закон противоречия в качестве необходимой методологической основы мышления (познания) и, что еще более важно для Поппера, основы всякой рациональной критики. Гегель действительно отвергает этот закон мышления, противопоставляя ему противоположный принцип: что непротиворечиво, то неистинно. Иначе говоря, гегелевская логика требует противоречивости как необходимого условия истинности теоретического мышления, тогда как традиционная логика требует, наоборот, его непротиворечивости.

Любая критика, по Попперу, — это именно указание на противоречия в той или иной теории. Если «отнять» у ученых закон противоречия, то какая бы то ни было критика станет вообще невозможной. При этом в отношении любой теории он указывает на существование трех видов противоречий. Во-первых, это могут быть противоречия в рамках самой научной теории. Если в ней можно вывести некоторое утверждение и его отрицание, то такая теория сразу же бракуется по формальным основаниям (без обращения к опыту и фактам), так как в ней нарушается закон противоречия, выступающий здесь в качестве формального негативного критерия истинности теории. Не может быть истинной теории, если она противоречива.

Мы должны, однако, заметить, что классическая интерпретация истины не накладывает столь сильных ограничений на наше знание, истина есть знание, соответствующее своему предмету. В ней не говорится, что истина — это непротиворечивое знание. Более того, если предмет познания сам по себе противоречив, то и знание, чтобы быть истинным относительно этого предмета, тоже обязано быть противоречивым. Иначе оно не будет соответствовать своему предмету, а значит — не будет истинным знанием о нем.

Второй вид противоречий, выделяемых Поппером, — это противоречия между теориями и фактами. Сама теория может быть формально непротиворечивой, но если она противоречит фактам, то она, несмотря на свою непротиворечивость, тотчас признается ложной и на этом основании тоже бракуется. Таким образом, противоречие между теорией и фактами признается более сильным, чем формальная непротиворечивость самой теории.

Наконец, третий вид противоречия, рассматриваемый Поппером, — это противоречия между двумя теориями. Если мы имеем две одинаково непротиворечивые теории, которые при

этом противоречат друг другу, то мы должны выбрать из них только какую-то одну, а именно — ту, которая соответствует фактам.

Но как же быть ученому в том случае, когда обе противоречащие друг другу теории в одинаковой степени подтверждаются фактами? Для современной науки такой случай не представляет собой чего-то экстраординарного. Известно, например, что есть две противоречащих друг другу теории световых явлений. Одна из них, идущая от Ньютона, утверждает, что свет — это корпускулы (фотоны). А другая, идущая от Френеля и Юнга, настаивает на том, что свет — это не корпускулы, а волны. Не является ли данный факт опровержением самого требования неперемного выбора только одной из двух противоречащих друг другу теорий? Конечно, является. И Поппер просто обязан был признать в данном случае, что его методология, основанная на законе противоречия, неадекватна научному познанию и является методологическим препятствием к достижению истины.

Разобрав случай с двумя теориями света и признав, что нужно принять их обе, более того, даже согласившись, что в данном случае диалектическая логика оказывается более адекватной методологией, чем теория, запрещающая противоречия, он тем не менее делает вывод, что «мы должны внимательно следить за тем, чтобы не приписать ей лишних достоинств» [Поппер, 2004, С. 520]. Однако для всякого непредвзятого ума, рассматривающего вышеописанную коллизию, проблема здесь действительно существует и требует более внятного решения. С одной стороны, противоречия существуют и даже допускаются в такой «эталонной» и, по всеобщему мнению, ушедшей далеко вперед от всех прочих науке, как современная теоретическая физика; а с другой — если допустить противоречивые теории, то это будет означать не только крах всех попыток критиковать их (как можно критиковать противоречивые построения?!), но и крах самой теоретической науки как таковой, поскольку из противоречащих друг другу посылок можно вывести все что угодно.

Решение всех этих затруднений и парадоксов имплицитно уже содержится в рассмотренном выше случае. Противоречие там допускается не в рамках самих теорий, а в рамках всей науки о них в целом (в рамках всей оптики). Каждая из двух теорий — корпускулярная и волновая — оставляется внутренне непротиворечивой (иначе невозможно логическое выведение всех следствий из принимаемых ею постулатов), но одновременно с этим признается, что и противоположная ей непротиворечивая теория тоже обладает объективной значимостью, поскольку она тоже подтверждается опытом (фактами). Более того, признается, что ни одна из этих теорий не способна по отдельности выразить истину, и только обе они вместе эту истину выражают. Тем самым признается справедливость гегелевского принципа — что непротиворечиво, то неистинно. Но вместе с тем признается и необходимость непротиворечивого развития каждой из сторон этого противоречия в противоположные друг другу непротиворечивые теории.

Таким образом, противоречие переносится из сферы отдельной теории (которые оставляются непротиворечивыми) в сферу их высшего единства, составляющего науку. Противоречивыми должны быть науки в целом, а не отдельные, составляющие их теории. Ведь наука — это и есть некоторое сложное единство: 1) накопленных и проверенных ею фактов; 2) различных теорий, призванных объяснять эти факты; 3) различных методов сбора этих фактов, построения этих теорий и организации всей науки в целом.

Диалектика, таким образом, является логикой развития (и методом организации) всей науки в целом, но не методом построения ее отдельных теорий и их проверки. Ею руководствуется (должна руководствоваться) вся наука в целом, но не отдельный ученый, создающий ту или

иную конкретную теорию.

Если мы обратимся теперь к самому создателю диалектической логики — Гегелю, — то увидим, что он действительно трактовал ее именно таким образом: его «Лекции по истории философии» описывают нам противоречивое развитие самой философии в целом как особой науки, а не развитие какой-либо отдельной философской теории. Он понимал, в частности, что Платон с Аристотелем, например, не противоречили сами себе (точнее, стремились к непротиворечивости своих построений), но они противоречили друг другу и другим философам, которые, в свою очередь, противоречили им и другим авторам различных философских теорий. Иными словами, противоречивой внутри себя была вся наука философия, а не ее отдельные теории. И именно эти противоречия между всеми учеными и их взаимная критика теорий друг друга и двигали всю эту науку вперед по пути развития философского знания в целом. Никакая отдельная теория не способна выразить истину познаваемого всей наукой предмета — ее способна достигать только наука в целом, взятая во всей совокупности своих теорий, фактов и методов. Таким образом, диалектика как логика науки не только не устраняет критики, но, наоборот, она требует ее, причем — тотальной.

Здесь будет полезно коснуться кратко одного бытующего до сих пор заблуждения — об относительной незрелости (или несовершенстве) социального познания по сравнению с познанием естественно-научным. Проявление этой незрелости видят обычно в том, что гуманитарии до сих пор не могут договориться между собой даже по самым принципиальным вопросам их наук, тогда как среди физиков и химиков, например, давно уже якобы достигнут консенсус едва ли не по всем принципиальным вопросам их наук.

Американский ученый Л. Лаудан, в частности исследовавший проблемы консенсуса и диссенсуса в науках, описывает этот устоявшийся предрассудок следующим образом: «Философы печально известны своими дебатами по фундаментальным вопросам философии, и между конкурирующими школами философов очень мало согласия даже по периферийным вопросам. Неудивительно поэтому, что философские тексты, написанные, скажем, томистами, имеют мало общего с текстами, написанными позитивистами. Социологи подобным же образом разделены на ряд воюющих лагерей, причем до такой степени, что существуют вопиющие различия в учебниках, написанных, скажем, марксистами, герменевтиками, феноменологами, функционалистами и социометриками. Естественные науки просто не таковы, и это отмечали многие философы и социологи 50-60-х годов» [Лаудан, 2006, С. 486-487].

Между прочим, если перевести сей предрассудок на язык методологии «критического рационализма» Поппера, то гуманитариев следовало бы хвалить за бескомпромиссную критичность по отношению к теориям друг друга, а физиков, наоборот, следовало бы порицать за их излишний конформизм и некритическое отношение к теориям друг друга. Другое дело, что этот взгляд на положение дел в науке не соответствует действительности, и на самом деле в естествознании мы имеем ничуть не меньше противоречий в теоретических подходах, чем в области социально-гуманитарного знания. Если же учесть еще и то, что сам предмет естествознания по своей природе неизмеримо беднее предмета социально-гуманитарных наук, то уже имеющееся некоторое количество противоречий в области естествознания покажется нам чем-то удивительным и чрезмерным.

«Теории в науке, — отмечает Л. Лаудан, — изменяются быстро — общим местом является то, что вчерашняя научная фикция становится сегодняшней ортодоксией. Однако иногда эти изменения могут обернуться продолжительными перепалками, приводящими к основательным разделениям внутри научного сообщества по вере и верности. Ситуации, вроде упомянутых, —

заключает Л. Лаудан, — ясно показывают, что, какая бы сила ни исходила от правил и норм науки, они на самом деле недостаточны, чтобы разрешить быстро и определенно эти дискуссии» [Лаудан, 2006, С. 489].

С нашей же точки зрения, отсюда следует совсем другой вывод: «сила, исходящая из правил и норм науки», как раз и является глубинной причиной всех этих разногласий, поскольку наука стремится постичь истину своего предмета, а все предметы в этом мире противоречивы. Не сварливый характер ученых заставляет их постоянно ссориться между собой и критиковать друг друга, а сам предмет их исследования и требование стремиться к истине. Каждый ученый стремится построить непротиворечивую теорию предмета, но у всех вместе это получиться не может, поскольку истина противоречива. Поэтому и споры между ними неизбежны в естествознании не меньше, чем в социальных и гуманитарных науках. Следует видеть в этих противоречиях норму и истину, а не досадное отклонение от таковых.

Конечно, не возбраняется (и даже было бы желательным), чтобы и сами ученые, создающие те или иные теории, учитывали требования диалектической логики и не пытались во что бы то ни стало уничтожить (опровергнуть) теории других ученых, исходящих из противоположных по отношению к ним принципов. Более того, было бы хорошо, чтобы они даже и приветствовали создание и развитие таких теорий, понимая, что истина достижима только их совместными усилиями, хотя они и противоречат друг другу. Это и было бы следованием принципам диалектической логики как методологии научного познания.

Заключение

Применяя теперь это мерило к марксизму, легко заметить, что эти ученые на деле следовали прямо противоположной логике, а именно — старались во что бы то ни стало доказать, что теории, исходящие из противоположных по отношению к ним принципов, ложны. В частности, они отвергали гегелевский (и контовский) подход к развитию общества как «идеалистический», все теории стоимости в экономической науке, противоречащие их «трудовой теории» — как «вульгарные»; все индивидуалистические теории общества (теории М. Вебера), противоречившие их холистическому принципу, — как «буржуазные» и т.д. Таким образом, они на деле отказывались следовать диалектической логике. Кроме того, диалектическая логика в том виде, как ее изложил Гегель, требует разрешения противоречия в синтезе противоположностей, в их «примирении», посредством которого противоречие ни в коем случае не уничтожается, а только лишь «снимается», то есть одновременно и устраняется, и сохраняется. В марксистском же подходе упор делается именно на уничтожении самого противоречия посредством уничтожения одной из противоположностей в пользу другой. Именно из такой (антидиалектической) логики и следовал у эпигонов марксизма тезис, что неизбежной социальной революцией принцип частной собственности будет отвергнут и общество полностью перейдет к принципу общественной собственности. С позиций Гегеля, такое попросту невозможно (ибо противоречивость вещей неустранима), в лучшем случае можно было бы говорить лишь о примирении обоих этих принципов и о нахождении некоторого разумного сосуществования между ними. Гегелевское положение о том, что истина конкретна, означает то, что она есть единство противоположностей, а вовсе не победа одной из них.

Но диалектическая логика не является той логикой пролиферации всяких теорий, к которой в конце концов пришла и антидиалектическая — позитивистская — методология, развивавшаяся параллельно советской в западной философской мысли. От так называемого

методологического анархизма П. Фейерабенда она отличается тем, что в ее оптике допускаются не всякие теории (объяснения), а лишь те и только те, которые являются развитием логически противоположных принципов по отношению к уже проверенным теориям и остаются при этом полностью в рамках самой науки с соблюдением всех ее основных требований к научному познанию (объективность, рациональность, обоснованность, истинность). В согласии с этими требованиями, критерием истинности научного познания признается лишь сама объективная реальность, не зависящая в своем бытии от нашего уровня познания.

Библиография

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Общ. ред. и предисл. П.С. Гуревича. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Политика», 1992.
2. Волнистая М.Г., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Истина как социокультурное явление: современная интерпретация // Журнал Белорусского государственного университета. Социология, издательство Белорусский государственный университет (Минск), № 4, 2020.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. — М.: Эксмо, 2007.
4. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 10. Лекции по истории философии. — М.: Партийное издательство. 1932.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Соч. .Т. VIII. — М.-Л., 1935.
6. Единство научного знания. — М.: Наука, 1988.
7. Желтов В.В., Желтов М.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы: Учебное пособие для вузов. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010.
8. Имянитов Н.С. По «лестнице науки» — к искусству. // Философия науки. 2003.
9. Койре А.В. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. — М.: «Прогресс», 1985.
10. Кондратьев Н.Л. Основные учения о законах развития общественной жизни/ Избранные сочинения / Ред. колл. Л.И. Абалкин и др.- Сост. В. М. Бондаренко, В. В. Иванов, С. Л. Комлев и др. — М.: Экономика, 1993.
11. Конт О. Дух позитивной философии. СПб., 1910.
12. Кун Т. Структура научных революций — М.: Издательство «Прогресс», 1977.
13. Лаудан Л. Наука и ценности // Философия науки: Эпистемология. Методология. Культура: Хрестоматия: Учебное пособие для вузов / Ответственный редактор-составитель Л.А. Микешина. Научный редактор Т.Г. Щедрина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2006.
14. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. — М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
15. Мамедов А. К. Методологические основания социального познания // Социология. — 2015.
16. Мамедов А. К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) // Социология. — 2016.
17. Мамедов А. К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) // Электронный научный журнал БГУ им. ак. И.Г. Петровского "Экономика. Социология. Право." — 2016.
18. Мамедов А. К. Самопрезентация социологии в научном знании // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. М., 2016.
19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1969.
20. Мизес Л. Бюрократия. Антикапиталистическая ментальность. Запланированный хаос. М., 1993.
21. Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. — М., 2001.
22. Микулинский С.Р., Маркова Л.А. Чем интересна книга Т. Куна «Структура научных революций» // Кун Т. Структура научных революций — М.: Издательство «Прогресс», 1977.
23. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
24. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). — М., 2003.
25. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. — Киев: Ника-Центр. 1997.
26. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. — М., 2000.
27. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996.
28. Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. И.С. Нарский. — М.: Прогресс, 1986.
29. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М. 1998.
30. Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.

31. Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era*. New York, 1971.

32. Comte A. *Cours de philosophie positive: Vol.1-6*. Paris, 1869.

Dynamics of socio-cultural cognition

Eka D. Korkiya

PhD in sociology

Assistant professor

Department of sociology of communication systems,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: ekakorkiya@mail.ru

Agamali K. Mamedov

Doctor of Sociology, Professor,

Head of the Department of sociology of communication systems,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1 Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: akmnauka@yandex.ru

Abstract

The presented article emphasizes that the inconsistency of the scientific field of knowledge is not a dominant argument in favor of truth. In other words, dialectical logic cannot be applied totally, that is, mechanically. It, just like traditional (formal) logic, cannot serve as an instrument of scientific knowledge. But it can prevent false directions of development in various sciences, while significantly saving the efforts of scientists, which are usually wasted on fruitless disputes and scientific programs that are unrealizable in principle. The authors point out that, while retaining the importance of traditional logic and the theory of truth, Hegelian logic and the theory of truth limit the scope of its application and thereby allow the theory of sociocultural knowledge to move forward. And this advancement, in turn, should have a beneficial effect on the development of all special sciences - both natural and social.

For citation

Korkiya E.D., Mamedov A.K. (2023) Dinamika sotsiokul'turnogo poznaniya [Dynamics of socio-cultural cognition]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (9A), pp. 152-164. DOI: 10.34670/AR.2023.90.55.023

Keywords

Sociocultural knowledge, research, empirical information, modification, scientific knowledge, social thought, theories of society, truth, modern science, future.

References

1. Aron R. Stages of development of sociological thought / General. ed. and preface P.S. Gurevich. - M.: Publishing group "Progress" - "Politics", 1992.
2. Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. New York, 1971.
3. Comte A. Courses de philosophie positive: Vol.1-6. Paris, 1869.
4. Comte O. The Spirit of Positive Philosophy. St. Petersburg, 1910.
5. Feyerabend P. Selected works on the methodology of science: Trans. from English and German / General ed. I.S. Narsky. - M.: Progress, 1986.
6. Hegel G.V.F. Essays. T. 10. Lectures on the history of philosophy. —M.: Party Publishing House. 1932.
7. Hegel G.V.F. Phenomenology of the Spirit. - M.: Eksmo, 2007.
8. Hegel G.V.F. Philosophy of history // Op. .T. VIII. —M.-L., 1935.
9. Imyaninov N.S. Along the “ladder of science” - to art. // Philosophy of science. 2003.
10. Kondratyev N.L. Basic teachings about the laws of development of social life / Selected works / Ed. coll. L.I. Abalkin et al. - Comp. V. M. Bondarenko, V. V. Ivanov, S. L. Komlev and others - M.: Economics, 1993.
11. Koyre A.V. Essays on the history of philosophical thought: On the influence of philosophical concepts on the development of scientific theories. - M.: “Progress”, 1985.
12. Kuhn T. The structure of scientific revolutions - M.: Progress Publishing House, 1977.
13. Laudan L. Science and values // Philosophy of science: Epistemology. Methodology. Culture: Reader: Textbook for universities / Responsible editor-compiler L.A. Mikeshina. Scientific editor T.G. Shchedrin. — 2nd ed., rev. and additional - M.: Publishing House of the International University in Moscow, 2006.
14. Le Goff J. Civilization of the medieval West: Trans. from fr. - M.: Progress Publishing Group, Progress Academy, 1992.
15. Mamedov A.K. Logic of social cognition (Popper vs Marx) // Sociology. — 2016.
16. Mamedov A.K. Methodological foundations of social knowledge // Sociology. — 2015.
17. Mamedov A.K. Self-presentation of sociology in scientific knowledge // Bulletin of Moscow University. Episode 18: Sociology and political science. M., 2016.
18. Mamedov A.K. The problem of the foundations of social knowledge (polemical notes) // Electronic scientific journal of BSU named after. ak. I.G. Petrovsky "Economics. Sociology. Law." — 2016.
19. Marx K. Capital. Criticism of political economy. M., 1969.
20. Mikulinsky S.R., Markova L.A. What is interesting about T. Kuhn’s book “The Structure of Scientific Revolutions” // T. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions - M.: Progress Publishing House, 1977.
21. Mises L. Bureaucracy. Anti-capitalist mentality. Planned chaos. M., 1993.
22. Mises L. Theory and history: Interpretation of socio-economic evolution. - M., 2001.
23. Popper K.R. Assumptions and refutations: The growth of scientific knowledge: Trans. from English - M.: AST Publishing House LLC: NPP Ermak CJSC, 2004.
24. Semenov Yu.I. Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from antiquity to the present day). - M., 2003.
25. Shtoff V.A. Problems of methodology of scientific knowledge. M., 1978.
26. Spencer G. Synthetic philosophy: Trans. from English — Kyiv: Nika-Center. 1997.
27. Spengler O. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. T. 1. M. 1998.
28. Tosh J. The pursuit of truth. How to master the skill of a historian. - M., 2000.
29. Tugan-Baranovsky M.I. Towards a better future. Collection of social and philosophical works. - M.: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN), 1996.
30. Unity of scientific knowledge. - M.: Nauka, 1988.
31. Wavy M.G., Korkiya E.D., Mamedov A.K. Truth as a sociocultural phenomenon: modern interpretation // Journal of the Belarusian State University. Sociology, publishing house Belarusian State University (Minsk), No. 4, 2020.
32. Zheltov V.V., Zheltov M.V. History of Western sociology: stages, ideas, schools: Textbook for universities. — M.: Academic Project; Gaudeamus, 2010.